

ФЛОРИСТИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЭРЗЯНСКИХ ГОВОРОВ САМАРСКОГО ЗАВОЛЖЬЯ: НАЗВАНИЯ ДЕРЕВЬЕВ

Беленов Николай Валерьевич

Кандидат педагогических наук, Самарский
государственный социально-педагогический
университет
belenov82@gmail.com

FLORISTIC LEXICON OF ERZYA-MORDOVIAN DIALECTS OF THE SAMARA TRANS-VOLGA REGION: NAMES OF TREES

N. Belenov

Summary: The article introduces into scientific circulation and analyzes part of the floristic lexicon of the Erzya-Mordovian dialects of the Samara Trans-Volga region: the names of wild and garden trees. Variations of the elements of this lexical cluster in the Erzya-Mordovian dialects of the region are presented, and their comparative analysis is carried out with the corresponding material of the Erzya-Mordovian and Moksha-Mordovian dialects of other territories. The most stable floronyms for the Erzya-Mordovian dialects of the region are identified, these are the names of birch, oak, willow and aspen, which is probably due to the significance of these tree species for the Mordovian traditional worldview and Mordovian culture. The issues of semantic evolution of floristic terms in the studied dialects, the causes of semantic transitions are considered. The article is based on the author's field materials obtained during the 2017-2020 seasons.

Keywords: floral lexicon, the Mordovian languages, Erzya-Mordovian language, Samara Trans-Volga region.

Аннотация: В статье вводится в научный оборот и анализируется часть флористической лексики эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья, а именно – названия дикорастущих и садовых деревьев. Приводятся вариации элементов данного лексического кластера в эрзянских говорах региона, проводится их сравнительно-сопоставительный анализ с соответствующим материалом эрзянских и мокшанских говоров других территорий. Выявляются наиболее устойчивые для эрзянских говоров региона флоронимы, это названия берёзы, дуба, ивы и осины, что обусловлено, вероятно, значимостью данных древесных пород для традиционного мировосприятия и культуры мордвы. Рассматриваются вопросы семантической эволюции флористических терминов в исследуемых говорах, причины семантических переходов. Работа базируется на полевых материалах автора, полученных в ходе сезонов 2017-2020 гг.

Ключевые слова: флористическая лексика, мордовские языки, эрзя-мордовский язык, Самарское Заволжье.

Введение (обзор литературы)

В данной статье в научный оборот вводится один из лексических кластеров эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья – названия деревьев. Тема флоронимов, относящихся к дикорастущим и садовым деревьям, и их вариаций в мордовских диалектах и говорах представляет значительный интерес не только для специалистов по мордовским языкам, но и для исследователей смежных дисциплин: историков, археологов, этнологов. В частности, в качестве аналогии можно привести широкое применение данных по флористической лексике в работе над определением территории расселения носителей того или иного языка на этапе его формирования. Так, в индоевропистике широкую известность имеет «аргумент бука», некоторое время считавшийся одним из ведущих в полемике по вопросу поиска территории расселения носителей праиндоевропейского языка. Имеются также гипотезы, базирующиеся на отсутствии того или иного флоронима в общеиндоевропейской лексике при поисках прародины индоевропейцев [13]. Известны подобные гипотезы и в финно-угроведении: так, к поиску прародины носителей мордовских язы-

ков с привлечением данных флористической лексики обращался ещё Ф.П. Кеппен.

Исследования лексического состава эрзянских говоров Самарского Заволжья имеют сравнительно богатую историю. Так, на рубеже XIX – XX веков здесь работал Х. Паасонен [14], собиравший материалы, в основном, в следующих населённых пунктах интересующей нас территории, которые по современному административно-территориальному делению относятся к Самарской области: Старое Вечканово (абсолютное большинство материала) ныне Иса克林ского района, Алёшкино, ныне Похвистневского района, Грачёвка, ныне Красноярского района, Старая Шентала, ныне Шенталинского района, а также в ряде других неоднозначно идентифицируемых и/или ныне исчезнувших эрзянских населённых пунктах.

Во втором десятилетии XX века исследования эрзянских говоров сёл, относящихся по современным административным границам к территориям Самарской, Ульяновской областей и Татарстана проводил М.Е. Евсеев [4]. Многие, отмеченные им, особенно эрзя-мордовских говоров означенных территорий

(в ряде случаев, значительное количество мокшанизмов, в других случаях – характерный для чукальских говоров заднеязычный согласный [ŋ] вместо [й] в окончаниях некоторых лексем) к настоящему времени нивелированы.

История изучения названий деревьев в мордовских языках, диалектах и говорах также насчитывает не один десяток лет. В числе первых, здесь надо отметить специальную работу М.В. Мосина [9]. В последнее и настоящее время специально данной темой занимается А.М. Гребнева [3]. Если же говорить о первой фиксации названий деревьев в мордовских языках, то они появляются уже в наиболее раннем из известных лексикографических памятников мордовских языков – в списке мордовских слов, приведённом Н. Витсенем в работе «Северная и Восточная Тартария», где отмечено несколько названий плодовых деревьев [15]. Кроме того, надо отметить, что названиями деревьев в других финно-угорских языках давно и плодотворно занимались и занимаются А.С. Ефремов [5], Ю.Э. Коппалева [6], А.Н. Ракин [10], Е.И. Ромбандеева [11].

Формирование эрзянских говоров Самарского Заволжья

Под Заволжьем в Среднем и Нижнем Поволжье традиционно понимаются территории, расположенные за левым, низменным берегом Волги, вплоть до Урала. Под Самарским Заволжьем в настоящем исследовании мы понимаем все районы Самарской области, находящиеся на Волжском Левобережье.

Эрзяне данного региона неоднородны в этноязыковом отношении, исторически здесь фиксируются носители различных эрзя-мордовских диалектов и этнических групп внутри эрзянского этноса (шокша, терюхане). Терюхане в настоящее время в среде эрзянского населения региона полностью ассимилированы, мордва-шокша оставила некоторое влияние в говорах похвистневской этнотерриториальной группы эрзян Самарского Заволжья и в окрестной топонимии (ПМА, Самарская область, Похвистневский район, Малый Толкай, 2019).

Помимо этого, диалектная пестрота заволжской мордвы-эрзи объясняется как различными исходными территориями расселения, откуда эрзянские переселенцы прибыли в регион в XVII – XIX веках, так и этноязыковыми процессами непосредственно на территории Заволжья, среди которых: длительное проживание в иноэтничном окружении (русские, чуваша, татары, украинцы, башкиры); внутренние процессы языковой конвергенции внутри сформировавшихся, в основном, по ареальному принципу этнотерриториальных групп; изменившиеся, по сравнению с исход-

ными местами расселения, природно-географические и социально-хозяйственные условия проживания мордвы в Заволжье.

Наиболее существенные различия между эрзянскими говорами Самарского Заволжья лежат, в основном, в области лексики. Помимо этого, имеются незначительные фонетические отличия между говорами и группами говоров – большей частью, связанные с различной степенью их русификации.

Основными этнотерриториальными группами мордвы-эрзи в Самарском Поволжье являются: клявлинская (объединяющая эрзянские сёла Клявлинского района, наиболее однородная в языковом отношении, также характеризуется общей самоидентификацией носителей клявлинского говора), похвистневская (объединяющая эрзянские сёла Похвистневского района, в которую также входит ерзовский говор эрзя-мордовского языка, носители которого проживают в Кинель-Черкасском районе), шенталинская (представленная старошенталинским говором в Шенталинском районе и двумя близкородственными говорами в Кошкинском районе), сокско-сургутская (сформировавшаяся в Заволжье по ареальному признаку, в бассейнах рек Сок и Сургут, большинство данных говоров близки литературно-письменному эрзя-мордовскому языку).

Большинство из перечисленных выше этнотерриториальных групп эрзян также неоднородны: внутри них выделяются отдельные говоры (а в ряде случаев – группы говоров), имеющих существенные различия между собой – в том числе, в интересующем нас лексическом кластере. Кроме того, имеется большая группа эрзя-мордовских говоров, не относящихся к той или иной этнотерриториальной группе: коноваловский, большекаменский, шиланский, новоерёмкинский.

Наблюдаются между рассматриваемыми говорами различия и в области акцентологии. В эрзянских говорах Самарского Заволжья ударение разноместное, что характерно для эрзя-мордовского языка в целом, но в говорах различных этнотерриториальных групп оно может тяготеть к первому или, напротив, последнему слогу. Здесь же отметим, что разноместное ударение отмечено нами для всех без исключения мордовских говоров Самарского Поволжья, как эрзянских, так и мокшанских, а в мокша-мордовских говорах Самарской Луки оно, чаще всего, приходится на второй и/или последний слог. Так или иначе, все указанные особенности нашли отражение во флористической лексике рассматриваемых говоров.

Материалы исследования

Материалы исследования были получены автором

от информантов-носителей соответствующих говоров в течение полевых сезонов 2015 – 2021 годов, в процессе сбора мордовской топонимии и топонимной лексики, составной частью которой является флоронимная лексика. Ценным материалом для сравнительно-сопоставительного анализа представленных в статье названий деревьев явились соответствующие сведения по эрзянским говорам Самарского Заволжья, зафиксированные в работах Х. Паасонена [14].

Ниже мы приводим материалы исследования названий деревьев в эрзя-мордовских говорах Самарского Поволжья. В интересах стройности представления материала, флоронимы расположены в порядке очередности в соответствии с русским алфавитом, с указанием конкретного говора при последующем перечислении вариаций. Если флороним в том или ином говоре представлен неадаптированным заимствованием из русского языка – он в нижеследующем списке не указывается. Поскольку исследуемые говоры подверглись различной степени русификации, что коснулось и кластера флористической лексики, количество материала по соответствующим лексемам разных говоров, представленное в исследовании, неравномерно. Ударение в лексемах выделяется жирным шрифтом – поскольку акцентологические различия во многих случаях показательны. В заглавие каждого подраздела вынесен русский флороним и его литературно-письменный эрзя-мордовский эквивалент.

Берёза Килей
Килей СтепШ, килей З, килей МА, килей МС, килей СтарШ, килей СС, килей С, килей Кон, килей Кл, килей Ш, килей КК, килей МТ, килей БТ, килей НЕ, килей БЕ, ашо килей Е, килей СВ

Вяз Селей
Селей СтепШ, селей СтарШ, уксо СС, селей КК, селей МТ

Дуб Тумо
Тумо СтепШ, тумо З, тумо МА, тумо МС, тумо СтарШ, тумо СС, тумо С, тумо Кон, тумо Кл, тумо Ш, тумо КК, тумо МТ, тумо БТ, тумо НЕ, тумо БЕ, тумо Е

Ель Куз
Ёлка З, пиче МА, пиче Ш, ёлка МТ, ёлка НЕ,

Ива Каль
Каль СтепШ, каль З, каль МА, каль МС, каль СтарШ, каль СС (как и ветла), каль Кл (а также вообще разные породы деревьев), каль Ш, каль КК, каль МТ, каль (как и верба) НЕ, каль БЕ, каль Е, каль СВ

Клён Укштор
Укштор СтепШ, укшторо З, укштор МА, укшторо СтарШ, укшторо СС, укштор Кл, укштор Ш, укштор КК, ук-

штор МТ, роштя БТ

Липа Пекше
Пекше СтепШ, пекше МА, пекше СтарШ, пекше Кл, пекше Ш, пекше КК, пекше МТ, пикше БТ, пекше Е

Орешник Пешкс
Пеште СтепШ, пекшкс З, пешчел МА, пешксь СтарШ, пекшкс СС, пештэгерь Ш, пеште БТ

Осина Пой
Пой СтепШ, пой З, пой СтарШ, пой СС, пой Кл, пой КК, пой МТ, пой (укштор – высохшая осина) НЕ, пой БЕ, пой СВ

Рябина Пизёл
Пизёл СтепШ, пизёлкс З, пизёл СтарШ, пизёл СС, пизёл Кл, пизёл Ш, пизёл МТ, пизёлкс БТ, пизёл БЕ

Сосна Пиче
Пиче СтепШ, пича З, пиче МА, пиче СтарШ, пиче С, пиче Кл, пиче Ш, пиче КК, пиче БТ, пиче НЕ, пиче БЕ

Черёмуха Лёмзёр
Лёмзёр СтепШ, лёмзёр З, лёмзёркс МА, лёмзёр СтарШ, чевгель Кон, лёмзёр Кл, лёмзёрына Ш, лёмзё МТ, лёмзеркс БТ, лайме БЕ

Яблоня Умарина
Умарь СтепШ, умарь З, умарина МА, умарь СС, умарина Ш, умарь МТ, яблук МТ, умарина Кл, умарь БЕ

Анализ (обсуждение результатов)

Наиболее устойчивым в эрзянских говорах Самарского Заволжья, согласно нашим материалам, является флороним *килей* – ‘берёза’. Данное дерево имеет в культуре мордвы особое значение: фигурирует во многих фольклорных произведениях, является центральным в ряде религиозных обрядов, берёзовые ветви и целые молодые деревья часто выступают в роли украшений на праздники – например, на Троицу (в этот день в настоящее время отмечается праздник *Акшо келу* – *Белая берёза*). Кроме того, берёза играет важную роль и в ряде местных, оригинальных праздников – например, на празднике *Ватази чи* в селе Коноваловка (ПМА, Самарская область, Борский район, Коноваловка, 2019). По-видимому, именно этим обусловлена устойчивость флоронима в различных говорах. Исключение здесь составляет ерзовский говор, в котором флороним *килей* стал применяться не только к берёзе, но и к ветле, в связи с чем возникла необходимость разграничения этих двух понятий. В настоящее время в ерзовском говоре лексема *килей* имеет значение ‘ветла’, а *ашо килей* – дословно: ‘белая ветла’ – ‘берёза’ (ПМА, Самарская область, Кинель-Черкасский район, Ерзовка, 2019). Также устойчивым в исследуемых говорах является флороним *тумо* со зна-

чением 'дуб' – основные различия здесь акцентологические, в красноключевском говоре зафиксирована форма *тума* (возможно, под влиянием шокшинского диалекта, носители которого проживали в среде похвистневской мордвы длительное время).

Флоронимы для обозначения вяза различаются в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья также, в основном, акцентологически. Единственное исключение составляет старосуркинский говор, в котором вяз обозначается лексемой *уксо*. В данном случае интересно отметить, что Х. Паасонен отмечает вариации данной лексемы в различных говорах: *ukso, uks, uksa*, для которых приводит значения 'ильм (вяз)'; 'ива', а в кажлодском говоре – 'ясень' [14]. Здесь следует сказать, что кажлодский говор относится к шокшинскому диалекту эрзя-мордовского языка.

Для липы в исследуемых эрзянских говорах названия также однотипны – различия и здесь лишь акцентологические. Зафиксированный нами вариант *пикше* в большетолкайском говоре может быть объяснён особенностями эрзянского вокализма. Сравните, например, для старовечкановского говора Х. Паасонен указывает два варианта названия рябины – *pizel* и *pizil* [14].

Из достаточно однотипной линии по клёну выделяется пример из большетолкайского говора – притом, что клён является одной из преобладающих древесных пород в окрестностях села. Информанты объясняли нам данную особенность следующим образом: в Большом Толкае существует устойчивая традиция – на новогодние праздники (а до революции – на Рождество) украшать дома сухими листьями клёна, отсюда и название дерева – *роштя*, от русского названия праздника – Рождество. Флороним *укштор* в большетолкайском говоре перешёл на другую древесную породу – *неклён* (также известен как *черноклён* или *клён полевой*). Здесь надо отметить, что А.М. Гребнева полагает в схожем случае, что *роштя* – адаптированное заимствование из русского языка – *роща* [3]. Также интересно отметить семантический переход для данной лексемы в новоерёмкинском говоре, где *укштор* – 'засохшая осина'.

Следует также обратить внимание на факт отсутствия в исследуемых говорах лексемы *куз* со значением 'ель', которая является одной из наиболее устойчивых в мордовских говорах. В говорах исследуемого региона она либо вытеснена русским заимствованием, либо же все хвойные деревья здесь обозначаются флоронимом *пиче*, изначально относящимся только к сосне. Вероятно, причина данного явления в том, что в естественных лесах Самарского Заволжья ели практически не встречаются, и лексема, без соответствия в окружающей среде, была утрачена. В рассматриваемых эрзя-мордовских говорах подобное явление было отмечено нами для ряда геогра-

фических терминов: так, ввиду отсутствия на территории расселения носителей исследуемых говоров настоящих болот, эрзя-мордовские лексемы с данным значением были в них утрачены, заменившись русизмами и близкими по значению словами [1]. Также следует отметить, что Х. Паасонен в старовечкановском говоре лексема *kuz* в значении 'ель' ещё фиксируется, согласно же нашим полевым исследованиям 2017 года, в настоящее время она в данном говоре утрачена.

Вариации названия рябины в рассматриваемых говорах сводятся к двум формам: *пизёл* и *пизёлкс*, где вторая происходит от первой при участии аффикса превратительного падежа мордовских языков *кс*. По-видимому, правы авторы [2], которые полагают, что в подобных случаях первая форма означает плоды растения, а вторая – само дерево (куст), признавая данное разделение позднейшим.

Лексема *каль* в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья, чаще всего, имеет широкий спектр значений. Как правило, так обозначаются ива, верба и ветла, к этому списку Х. Паасонен добавляет значения 'тальник', 'ракетник' [14]. Кроме того, в клявлинском говоре эрзя-мордовского языка лексема *каль* является синонимом лексемы *чувто* со значением 'дерево'. Так, информанты сообщали нам дословно следующее: «каль – это не только ива, каль – это вообще все породы» (ПМА, Самарская область, Клявлинский район, Старые Сосны, 2019). На более широкий спектр значений лексемы в прошлом указывает также её присутствие в качестве форманта в ряде флоронимов и флористических терминов мордовских языков. Сравните, в эрзянском: *чевгель* – 'калина', *каль илей* – 'ива прутовидная', *каль пеште* – 'водяной орех', *итар' kal'* – 'яблоня' (в говоре села Лобаски Ичалковского района Республики Мордовия [3]); в мокшанском: *каляк* – 'высокое тонкое дерево' [2, 100], а также лексема *Kal* в списке мордовских слов Н. Витсена, где для неё указано значение 'куст' [15]. Кроме того, интересен формант *каль* в мордовских терминах, обозначающих орудия труда, которые сделаны из молодых деревьев или их ветвей. Так, например, в бахиловском говоре мокша-мордовского языка на Самарской Луке *питькаль* – 'палочка для пахтания (мутовка)' (ПМА, Самарская область, Ставропольский район, Бахилово, 2018).

Названия плодовых деревьев в исследуемых эрзянских говорах, за редким исключением, представлены заимствованиями из русского языка. главным из исключений являются варианты названий яблони, которая, впрочем, также нередко обозначается идентичным, либо адаптированным заимствованием из русского, однако, в большинстве говоров всё же до настоящего времени сохраняется эрзянское название. Разнообразие здесь, по сути, сводится к двум вариациям – *умарина* и *умарь* (что резко контрастирует с мокша-мордовскими

говорами региона [1]). Здесь же надо отметить, что в эрзя-мордовском языке *умарь* также 'ягода' – и именно в этом значении данная лексема сохраняется в большинстве исследуемых говоров, в которых для обозначения яблони и её плодов используются идентичные русские заимствования. *Умарина* – вероятно, уменьшительно-ласкательное от *умарь*: *умарь* + *не* = 'яблонька'.

Орешник – одна из наиболее распространённых дикорастущих древесных пород в Самарском Заволжье, поэтому существенное распространение в говорах региона лексемы, обозначающей данный вид растений, и её сохранность в них объяснимы. Выделяется форма флоронима, бытующая в шиланском говоре – *пештэгерь*, где *герь*, очевидно, формант. Полагаем, в данном случае рассматриваемый элемент является показателем множественности, совокупности однотипных объектов [7, 103] – здесь можно привести для сравнения пример из памятников эрзянской письменности XVIII века – *кевзерь* со значением 'гора', буквально: 'скопление камней'.

Семантические переходы в данном лексическом кластере являются одной из характерных особенностей мордовской флоронимии. В исследованных нами говорах отмечены следующие семантические переходы: *килей* Е – 'ветла', при этом 'берёза' – *ашо килей* Е; *чевзель* Кон. – 'черёмуха', тогда как в литературно-письменном эрзянском *чевзель* – 'калина'; *укштор* НЕ – 'высохшая осина'; *укштор* БТ – 'неклён', 'клён' – *роштя* БТ.

Интересно отметить отсутствие в исследованных эрзянских говорах ряда эрзя-мордовских названий деревьев, встречающихся в Самарском Поволжье практически повсеместно. Одним из таких деревьев является осокорь (чёрный тополь), произрастающий в Самарском Заволжье по берегам рек и озёр (в особенности – старичных). Во всех исследованных говорах данное дерево обозначалось заимствованием из русского языка – тополь. В ряде случаев информанты отмечали, что раньше, вероятно, эти деревья называли так же, как и осину – *пой* (ПМА, Самарская область, Сергиевский район, Захаркино, 2019). Отметим также, что подобная ситуация сложилась и в мокша-мордовских говорах региона, лишь в торновском говоре на Самарской Луке тополь обозначается адаптированным заимствованием из русского языка – *осокорь* (ПМА, Самарская область, Волжский район, Торновое, 2018).

Заключение

Как показало проведённое исследование, практически во всех эрзя-мордовских говорах имеются утраченные, либо замещённые русскими заимствованиями флоронимы. Подавляющее большинство таких примеров объясняется тем фактом, что та древесная порода, которую обозначал флороним, не произрастает в ара-

ле распространения соответствующего говора. В этой связи показательным является отсутствие в эрзянских говорах региона лексемы *куз* со значением 'ель'. Семантические сдвиги также чаще всего происходят именно в таких случаях, например, в ерзовском говоре лексема *килей* означает не берёзу, которая в окрестностях села является редкой породой, а ветлу, которая здесь, в силу особенностей прилегающей местности, имеет значительное распространение. Указанные явления характерны также для других лексических кластеров эрзянских говоров Самарского Заволжья.

Вместе с тем, надо констатировать, что, в целом, флористическая лексика эрзя-мордовских говоров Самарского Заволжья устойчивее и однороднее, чем ряд других лексических кластеров – географическая лексика, фаунистическая лексика, хозяйственно-бытовая лексика.

К наиболее устойчивым в эрзя-мордовских говорах Самарского Заволжья флоронимам можно отнести следующие: *килей* – 'берёза', *тумо* – 'дуб', *пой* – 'осина' и *каль* – 'ива'. Данная устойчивая группа флоронимов является общей для эрзя-мордовских говоров различных территорий. Представляется, что выявленная тенденция во многом может быть связана с языческой традицией мордвы, в которой почитание деревьев занимает одно из центральных мест [12]. Также нам представляется неслучайным, что самыми устойчивыми в мордовских говорах оказываются флоронимы, относящиеся к наиболее почитаемым мордвой деревьям – дубу и берёзе [8]. Отметим также, что локальные этнотерриториальные группы мордвы могут на первое место в таком почитании выдвигать иную породу деревьев – так, на Самарской Луке у мордвы-мокши наиболее почитаемым деревом являлся вяз.

Что касается лексемы *каль*, то спектр её значений, учитывая материалы различных мордовских говоров, в прошлом был значительно шире, что, видимо, и послужило основанием для высокой степени её сохранности в них.

Принятые сокращения:

БЕ – большеегинский говор;	МА – мордовоаделяковский говор;
БК – большекаменский говор;	МС – мордовоселитьбинский говор;
БТ – большетолкайский говор;	МТ – малотолкайский говор;
Е – ерзовский говор;	С – сенькинский говор;
З – захаркинский говор;	СВ – старовечкановский говор;
КК – красноключевский говор;	СС – старосуркинский говор;
Кл – клявлинский говор;	СтарШ – старошенталинский говор;
Кон – коноваловский говор;	СтенШ – степношенталинский говор;
НЕ – новоерёмкинский говор;	Ш – шиланский говор;
ПМА – полевые материалы автора;	

ЛИТЕРАТУРА

1. Беленов Н.В. Географическая топонимная лексика эрзян Самарского Заволжья // Ономастика Поволжья. Кострома, 2020. С. 14 – 20.
2. Вершинин 2004 – Вершинин В.И. Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2004.
3. Гребнева А.М. Названия плодовых деревьев и кустарников в мордовских языках и говорах // Ежегодник финно-угорских исследований. 2017, 2. С. 7 – 17.
4. Евсевьев М.Е. Отчёт о командировке в Самарскую и Казанскую губернии для изучения говоров мордовского языка. Казань, 1914.
5. Ефремов А.С. Этимология некоторых марийских названий растений // Советское финно-угроведение, 1984. №2. С. 99 – 103.
6. Коппалева Ю.Э. Финская народная лексика флоры (становление и функционирование). Петрозаводск, 2007.
7. Лыткин В.И., Гуляев В.С. Краткий этимологический словарь коми языка. М., 1970.
8. Михалкович И.Н. Реминисценция образа дерева в мифологии и фольклоре мордвы // Инженерные технологии и системы. 2000, 1/2. С. 72 – 77.
9. Мосин М.В. Словообразовательный анализ ботанической терминологии эрзянского языка // Вопросы языкознания. Вып.2., Ч.1. – Саранск, 1975. С. 57 – 64.
10. Ракин А.Н. Краткий коми-русский, русско-коми ботанический словарь. Сыктывкар, 1989.
11. Ромбандеева Е.И. Этимология названий деревьев, кустарников, ягод и некоторых географических терминов в мансийском языке // Финно-угроведение, 2000, 2. С. 86 – 89.
12. Сычёв А.А. Культ леса в системе экологических верований мордвы//Финно-угорский мир. 2015, 4. С. 76 – 83.
13. Mallory J.P. In Search of the Indo-Europeans: Language, Archaeology and Myth. London, 1989.
14. Paasonen H. Mordwinisches Wörterbuch Zusammengestellt von Kaino Heikkilä. Unter Mitarbeit von Hans-Hermann Bartens, Aleksandr Feoktistov und Grigori Jermuschkin. Bearbeitet und herausgegeben von Martti Kahla. Helsinki, 1990–1995.
15. Witsen N. Noord en oost Tartarie. Amsterdam, 1692.

© Беленов Николай Валерьевич (belenov82@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Самарский государственный социально-педагогический университет